

КУЛЬТУРА

На фестивале NET показали спектакль Эрика Лакаскада

Пентесилея-материал

Глеб Ситковский

Трагедия немецкого романтика Генриха фон Клейста «Пентесилея», где очерчены взаимоотношения царицы амазонок и греческого героя Ахилла, чем-то заинтересовала французского режиссера Эрика Лакаскада и актрису Дариа Липпи и дала им повод для моноспектакля, который в эти дни был показан на фестивале NET. Французский спектакль называется «К Пентесилее», и актрисе, раз уж она на сцене одна, приходится отдуваться не только за амазонскую царицу, но еще и за Ахилла, и за Рассказчицу, и за верховную жрицу Диану — за всех.

Самая ближайшая параллель, которая моментально приходит в голову даже тому, кто не видел спектакль Лакаскада, — это, разумеется, «Медея-материал» Анатолия Васильева. Трагедия, основанная на античном материале. Французская актриса (у Васильева это была Валери Древилль) в роли мужедевы, легко вживающаяся как в мужские, так и в женские роли. Физическое обнажение актрисы происходит в тот самый момент, когда спектакль достигает своей кульминации (любопытно было бы с хронометром в руках сравнить, на какой минуте — думаю, расхождение невелико). Обвинить Лакаскада в плагиате — это, возможно, слишком (хотя «Медею-материал» он, скорее всего, в Авиньоне видел), но перекличек между спектаклями и впрямь более чем.

Расхождений тоже предостаточно. Главное из них состоит, пожалуй, в том, что Лакаскад с видимым удовольствием эстетизирует страдания царицы. Сказать еще проще — это красивый спектакль, и актрису здесь раздевают исключительно для того, чтобы зритель мог оценить все выпуклости ее тела, в самом деле достойные любования. Куда Валери Древилль против Дариа Липпи? Парис, сравнивая их красоту, не колеблясь, отдал бы первенство актрисе Лакаскада, и Троянская война никогда бы не началась. Один из эпизодов, где Пентесилею подвешивают за руки за ноги к потолку, и она, грациозно извиваясь всем телом, читает монологи о своих мучениях, — это один из сцен из какой-нибудь немецкой садомазохистской порнографии. В другом эпизоде все то же тело становится экраном для впечатляющих по своей технологичности видеопрооекций. Ее внутренности становятся полем боя, на поверхность кожи вылезают кровавые стигматы, плоть красиво разлагается. Все, что требуется в этот момент от зрителя, — сказать свое восторженное «ах».

Ну что ж, ах так ах, от нас не убудет. Но, сравнивая «Медею» и «Пентесилею», уместнее всего вспомнить самого фон Клейста, а именно его знаменитое эссе «О театре марионеток». Клейст, как известно, восторгался бездушной марионеткой, прославляя ее за то, что она «не же-

манится». Васильев в своем спектакле сделал все, чтобы превратить Валери Древилль в неодушевленную марионетку, и продемонстрировал превращение живого человека в механическое существо. Дариа Липпи на сцене только и делает, что жеманится, — от первой минуты до последней. Делает это, впрочем, не грубо и даже умно — ровно в той степени, чтобы прийти по сердцу среднему французскому буржуа.

Как известно, Ф.М. Достоевский категорически не жаловал французских буржуа и даже дал им обидные прозвища: «мабишь» (козочка) и «брибри» (птичка). То есть французский месяц, по мнению русского писателя, нежно называет женщину своей козочкой, а она его — своей птичкой. Так вот, «козочка» описывается следующим образом: «Мабишь манерна, выломана, вся неестественна, но это-то и пленяет... Она обладает бесчисленными секретами таких штук и вывертов, что вы покоряетесь и идете за нею, как за пикантной новинкой. Вам, может быть, нравится-то в ней не то именно, что она этой подделкой достигает натуры, но самый этот процесс достижения подделкой вас очаровывает, искусство очаровывает». По правде говоря, это описание абсолютно точно ложится на привезенную в Москву Пентесилею. Все-таки Федор Михайлович, несмотря на всю его ксенофобию, был гениальным человеком.

Фотограф: Михаил Гурман